

18+

КОЛЛЕГИЯ ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ

ГОРЯЧИЕ ЖЕТОНЫ

Эльвира Шабаета

Горячие жетоны

«Издательские решения»

Шабаева Э.

Горячие жетоны / Э. Шабаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516778-1

Коллегия Поэтов и Прозаиков представляет сборник произведений, посвященных воинам-интернационалистам, проходящим службу в горячих точках. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-00-516778-1

© Шабаева Э.
© Издательские решения

Содержание

Последний	6
Вернем Афгану прежние размеры!	8
Я ухожу, когда в саду грустит сирень...	11
Брату	14
Афганистан	17
Материнское сердце	19
Святки	21
Горячие точки	25
«Женщина, еще совсем не старая...»	27
А дальше дорога домой...	29
У войны свои законы!	31
Он был обыкновенный врач...	33
Расставание	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Горячие жетоны

Редактор Эльвиря Шабаета

Дизайнер обложки Леонард Крылов

Иллюстратор Леонард Крылов

© Леонард Крылов, дизайн обложки, 2020

© Леонард Крылов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-6778-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний

В крови лежу. Дыра в боку.
Шальной бессмысленный осколок.
Сквозь страх. Сквозь боль. Рукой зажму.
Мой век, увы, теперь недолог.
Трава вокруг. А я пишу.
Строка к строке, за словом слово.
Пропал. Устал. И жить хочу.
Но я не выберу иного.
Скорей. Успеть. Не умереть.
Оставить правду на бумаге.
Окоп. Болезнь. Погибших треть.
Другие умерли в атаке.
Мы так сильны! Мы так крепки!
Конец войны совсем уж рядом!
Но час настал – пришли враги.
И поле боя стало адом.
Чужой иль свой? Всех на убой!
Ведь смерть любимчиков не водит.

Страна останется вдовой,
Солдаты – памятью в народе.
Окончен бой. За строем строй
Ушли, закрыв навеки двери.
Увы, один я здесь живой.
Ни в свет, ни в тьму уже не верю.
Уже к утру и я уйду,
Письмо оставив на прощанье.
Я весь в поту, и кровь во рту...
Прошу, разумное создание:
Иди – живи! Не допусти,
Чтоб это снова повторилось.
Чтоб снова в бой пошли полки,
За власть других погибнуть силась.

Пусть будет свет всему ответ!
Пусть будет лишь добро намерен!
Пусть тьма умрёт со мной навек!
Пусть буду я солдат последний!

/Алексей Новиков/

Вернем Афгану прежние размеры!

Под взрыв снарядов, рокот вертолётов,
Земля покрыта пеплом где – не слухами,
Где небо жгут огни гранатомётов —
Советские солдаты бьются с духами.

На лицах – соль, а на зубах – песок,
Не жмет сапог, и на ремне – упряжка.
В глазах немой вопрос: сквозной в висок
Иль скрытая душманами растяжка?

Собрав всю волю в дуло калаша,
Стреляют по врагу, не зная меры.
И яростно в прицел кричит душа:
«Вернём Афгану прежние размеры!»

А гул стоит, что хочется ругаться,
Но впился в сердце корешок «мандата».
Сквозь зубы скрип: «За что воюем, братцы?»
– За честь! За совесть русского солдата!

На лицах – соль, а на зубах – песок,
Не жмет сапог, и на ремне – упряжка.
В глазах немой вопрос: сквозной в висок
Иль скрытая душманами растяжка?

Собрав всю волю в дуло калаша,
Стреляют по врагу, не зная меры.
И яростно в прицел кричит душа:
«Вернём Афгану прежние размеры!»

Под взрыв снарядов, рокот вертолётгов,
Земля покрыта пеплом где – не слухами,
Где солнце режет вспышки огнемётгов —
Взлетают в небо караваны с духами!

2018, ред. 2019
/Светлана Кунакулова/

Я ухожу, когда в саду грустит сирень...

Я ухожу, когда в саду грустит сирень,
С черемухи слетает покрывало.
Я ухожу в дождливый летний день.
Не огорчайся, что так получилось, мама!
Все к лучшему, я знаю. Я решил.
Себя найти нам в этой жизни – так не обходимо!
Не говори. Мы лучше помолчим.
Присядем, чтобы дорога мне не показалась длинной.
Я ухожу, когда в саду грустит сирень,
Акаций белых ветер треплет платье.
Вы только мне пишите каждый день,
Хоть сам не обещаю часто так писать вам.
Я ухожу, когда в саду грустит сирень...

/Игорь Рябов, 1986/

Брату

Вот и время пришло – нам прощаться пора.
Уведут нас от дома дороги:
Ты – на Дальний Восток. Я – на юг, на Кавказ.
Что ж, простимся с тобой у порога...
Крепко руку пожми, по-мужски обними.
Мы простимся с тобой у порога...

Пусть разлука всегда – это грусть, это – боль
И, порой, это – целая вечность...
Но однажды весной ты вернешься домой.
Так, не вешай же носа! До встречи!
Крепко руку пожми, по-мужски обними
И не вешай же носа! До встречи!

Ты расскажешь потом, как бурлит море в шторм,
И что значит – иметь рядом друга,
Как качает волна, и гитары струна
Вместе с вами грустит о подругах.
Как качает волна, как ласкает она,
Вместе с вами грустит о подругах.

Ну, а я расскажу, как служилось в горах.
И, что снега зимою немного...
И обнявшись потом, как бывало, споем:
«Мы простимся с тобой у порога...»
Под гитару вдвоем, как бывало, споем:
«Мы простимся с тобой у порога.
Ты мне счастья пожелай!»

/Игорь Рябов, 1987/

Афганистан

...Стоит пацан угрюмо
В распахнутом окне.
Скажи, парнишка юный,
Зачем ты на войне?

Глядят непримиримо
Глаза из-под чалмы...
Отряд проходит мимо,
Тебя не тронем мы.

С детьми мы не воюем,
И зла не причиним.
Твою страну родную
От боли защитим...

Они не понимали:
Не страх в его глазах.
Волчонка воспитали
В душманских лагерях.

Прошёл через посёлок
Военный чёткий строй.

Но из окна ребёнок
Так подло, за спиной,

«Лимонок» бросил связку,
И вздыбилась земля...
Расколотые каски
Покатятся в поля...

В сердца многоэтажек,
Сквозь небо дальних стран,

Со страшноу поклажей
Летит «чёрный тюльпан»...

Политики искусство
Сплетало свой обман,
И горькой кровью русской
Полит Афганистан...

/Ольга Березина-Луганская, 2020/

Материнское сердце

Дом панельный многоэтажный
Сладко так в воскресенье спит.
Но кому-то сон снится страшный,
И душа, задрожав, кричит...

Это мать всё грустит о сыне.
Ей привиделось в жутком сне:
В почерневшей, сухой пустыне,
В беспощадной чужой войне,

Бой такой, – даже меркнет солнце!
Вражьи пули сбивают с ног,
И с душманами остаётся
Он один, – дорогой сынок...

Бьют осколки в мундир и каску...
Поднимая себя с колен,
Достаёт он «лимонок» связку,
Чтоб врагу не попасться в плен.

И ломается День и Вечность,
На осколки дробится сон.

Сердце падает в бесконечность
По спирали былых времён...

Материнское сердце рвётся
В лабиринты из жарких стран,
И душевная боль зовётся
Горьким словом «Афганистан»...

Тенью памяти стон прольётся,
Наплывая со всех сторон.

Сердце матери в ком сожмётся,
Она выйдет на свой балкон.

И, тихонько шепча молитву,
Долго будет на юг смотреть,
Всё пытаясь забыть ту битву,
Свой кошмар, где огонь и смерть.

...На окраину в ночь ворвётся
Предрассветное пенье птиц.
Расплывутся седые звёзды
Сквозь хрустальный туман ресниц.

«Что с тобою, мой мальчик милый?»
– Бил тревогу набат в крови...

«Я готова отдать все силы,
Только ты, я прошу, живи!»

«Я готова отдать все силы,
Только ты, я прошу, ЖИВИ!..»

/Ольга Березина-Луганская, 2020/

Святки

Обычный дом в большом селе...
Январский вечер. Полночь близко...
Горят две свечки на столе.
И жмётся девушка во мгле,
Глядя в причудливые искры...

В субботу – свадьба. А теперь,
Ещё не связана обетом,
От всех закрыла в спальне дверь,
Страшась неведомых потерь,
Пытает у Судьбы секреты.

Спиной к обычному трюмо,
Лицом пред зеркалом настольным,
Сидит, как видела в кино.
Что будет в жизни ей дано? —
Сильнее сердце бьёт невольно.

Глядит в зеркальный коридор,
Два огонька свечи мерцают...
Ведёт с Фортуной разговор:

«Что суждено мне?» – И простор
В стеклянном свете дымкой тает.

И, в Зазеркалье дней и лет
Душою робко погрузившись,
Ей смутно видится ответ,
Счастливым, будто бы, сюжет,
С её мечтой объединившись:

Она – в воздушном белом платье,
В красивом зале, среди цветов,

И, заключив её в объятия,
С ней лейтенант, весёлый, статный,
О ком мечтала в сотне снов...

Девчонка радостно глядит,
Но вдруг сменилась та картина:
Куль, синей лентой обвит,
Ей врач торжественно вручит.
Похоже, то – рождение сына.

Гаданье счастье ей пророчит...
Вот только где же здесь супруг?

Ну, может быть, на службе срочной.
Ведь за военным быть, так точно,
Привыкнешь к расставанью вдруг...

Невеста свечи задувает.
Что ж, развлечение удалось!
Последний взгляд во тьму кидает,
Где Зазеркалье тихо тает,
Ответив честно на вопрос...

И вдруг, в последней вспышке света, —
Что это? В шутку или всерьёз?!
Последний кадр того сюжета:
Могильный горбик, весь в букетах,
Пронзает сердце ей насквозь...

И, электричество включив,
Убрав долой все зеркала,
Гадалка мается в ночи,
Душа в сомнениях кричит:
«Нет, это просто тень была!»

Гаданье – чушь! Игра, забава...
Ведь на дворе XX-й век!

Как можно верить в это, право...
И свадьба весело гуляла,
Собрав полсотни человек.

Медовый месяц долго длился,
И жизнь их сказкою была.
Но вдруг – в стране конфликт случился,
И лейтенант с женой простился,
Война в Чечне его ждала...

И письма птицами летели,
Полны заботы и тепла.
Всегда вдвоём быть так хотели...
Но где-то, в огненной метели,
По Жизни трещина прошла...

И вот, вся в чёрном, та девчонка
Стоит над холмиком с венками,
И горько шепчет их ребёнку,
Сжимая синие пелёнки:
«Твой папа – там, за облаками...»

Семья такая не одна,
Так много судеб тьма разбила...
Да будет проклята война!
Лишь дружба, мир и тишина, —

Вот всё, что людям нужно было.

/Ольга Березина-Луганская, 2020/

Горячие точки Воинам-интернационалистам посвящается.

По бескрайним дорогам военным,
Проливая горячую кровь,
Вы свой подвиг души ежедневный
Совершали без выпрєнных слов.
Сквозь дожди, и ветра, и туманы,
Под огнєм из осколочных мин,
Невзирая на жуткие раны,
На причёски из ранних седин,

Вы шагали уверенным шагом, —
Эта поступь пугала врагов, —
Под российским, отеческим флагом,
Вы спасали людей вновь и вновь.
За товарища жизнь отдавая,
И страну защищая собой,
Проходили по самому краю,
Продолжая последний свой бой.

И Россия вовек не забудет
Всех героев далёких боёв,
Время горькое порванных судеб,

Юных жизней разбитый остов.
Те, кто выжил, военное пламя
Навсегда в своём сердце хранит.
А для тех, кто сегодня не с нами,
Вечной Памяти песня звучит.

/Ольга Березина-Луганская, 2020/

«Женщина, еще совсем не старая...»

Женщина, еще совсем не старая,
У храма в одиночестве стоит.
Еще вчера писал: «Ну, здравствуй, мама».
Сегодня написали, что убит.
Война стремительно и нервно
Ворвалась в мир, что расцветал весной.
И сын ее, единственный и первый,
Ушел с призывом. Как же ей одной
Теперь? Листать фотоальбомы,
Где он на фото – милый карапуз,
Играет в мяч, рисует стены дома...
А вот так сладко кушает арбуз...
В шкафу его костюм пылится,
В котором песни пел на выпускной.
Мелькает время, память вереницей
Ведет воспоминанья за собой.
Он ей писал: «Войны не бойся, мама,
Поверь, ее я тоже не боюсь!»
Он присылал три слова в телеграммах:
«Я обязательно вернусь!»
Но не вернулся... Жизнь остановилась.
Нет больше смысла. Сердце, как в тисках.

У храма она искренне молилась,
Чтоб сын ее услышал в облаках.
«Зачем мне жить? – она взывала к Богу, —
Мир без него – постылая тюрьма!
Меня ты тоже заведи! Открой дорогу!
Хочу я с сыном быть! Я не смогу одна!»
Порывом ветра женщину качнуло,
На храме засияли купола.
Вдруг рядом чья-то тень мелькнула,
Она молитву к Богу прервала.

Увидела его – совсем мальчишку,
Он голову склонив, шептал слова:
«Родная моя, мамочка, ты слышишь?
Зачем ты бросила меня, зачем ушла?»
Два горя, две печали, две потери —
Сумел Господь в одну объединить,
Чтоб силы дать, чтоб искренне поверить,
Что дальше непременно нужно жить!
И женщина, с лица стирая слезы,
Рукой озябшей за руку взяла
Мальчишку и сказала просто:
«Поверь! Она тебя услышала!»

...Садилось солнце, отблески заката
На куполах свой оставляли свет...
А души мамы и погибшего солдата
С небес смотрели уходящим вслед!

/Олеся Шикито/

А дальше дорога домой...

Какое глубокое небо!
Душа разболелась от ран.
Как долго на Родине не был,
Под кожу вонзился Афган...

Вот мост, переход – сотня метров,
А дальше дорога домой,
И эхо разрывов по ветру
Осталось в горах за спиной.

Афганская пыль на колёсах,
Следы от солдатских сапог...
Тоскую по утренним росам,
А кто-то дожидаться не смог.

И просто, навечно остался —
Осколком не нашей войны,
Как ноты печального вальса,
И боль, до разрыва струны.

Над полем в снарядах и минах,
Обагранным в кровь сыновей;

В слезах матерей и сединах
Отцов, переживших детей.

И как-то, довольно стыдливо, —
Страна привечает бойцов!?
А скоро сама, нерадиво,
Навечно утратит лицо...

И смотрим в бездонное небо
Душой, что устала от ран...

Как хочется русского хлеба,
И верить, что Честь – не обман!..

/Григорий Болдырев/

У войны свои законы!

У войны свои законы!
Своды правил и каноны;
Нет в войне полутонов...
Только чёрный, или белый!..
Или алый, и багров,
Как цвет крови – обгорелый:
У своих и у врагов!

Тяжкой ношей – боль утраты,
Лишь вопрос: «Кто виноватый?»
Горький взгляд, застывших слёз:
Есть приказ!.. и долг солдата.
Ну, а Жизнь – почти курьёз;
На убийство нет мандата!
Выстрел! – и оборвалось...

У войны – свои законы!
Лики павших, как иконы,
Лягут кровью на холсты...

Сохраним же в сердце память,
Чтоб никто не смог изгадить:
Ложью боевое знамя,
И могильные кресты...

/Григорий Болдырев/

Он был обыкновенный врач...

Он был обыкновенный врач,
Каких все выпускают институты,
И в чередe побед и неудач
Летели бытия его минуты.

С собой пойти на сделку не посмел,
Хотя была низка его зарплата;
Он просто делал дело, как умел,
Не изменяя клятве Гиппократa.

Меж тем, ведя незримую войну
С подругой и ровесницей войн,
Он пребывавших у неё в плену
Освобождал. Был мрачен и спокоен...

Но вот в потоке мирных новостей
Другие стали появляться вести:
О драках, взрывах, гибели людей,
Что сотни лет доселе жили вместе.

И тот, который прежде в нём дремал
(Он не был эгоистом, не был жаден),
Проснулся и отчётливо сказал:
«Пошли, покос ведь будет беспощаден!»

Здесь трудно, ну а там ещё трудней,
И у костлявой там коса острее,
Там даже боли кажутся больней,
А до врат Ада путь куда быстрее».

Собрав медикаменты, инвентарь,
Отправился он по местам сражений,
Чтобы продолжить начатую встарь

Другую битву сотен поколений.

Стал скальпель хирургический мечом,
Встав на пути смертельного металла;
В раздумье Провиденье вековым
На этот бой с Небес своих взирало.

Вот парень. Ему нет и двадцати,
Недавно школа – двойки и пятёрки,
Идти ему по жизни и идти...
...Но замер тут прицел на гимнастёрке.

Направленная дьявольской рукой
Винтовка снайпера приступит к делу.
Курок нажат – и быстрою стрелой
Свинец вонзился человеку в тело.

Но тело сдюжило, и дух помог,
А врач вступил в сражение иное.
Минуты шли. Смертельный диалог
Приобретал звучанье роковое:

«Он мой! Ведь всё равно ему не жить!»
– Его ты не получишь, прочь отсюда!
Ушла Смерть, обещая отомстить,
Грозя косою сверкающей Оттуда.

В другой раз удалось ей взять своё,
И был бессилён сделать он хоть что-то,
Но, поглядев спокойно на неё,
Упрямо продолжал свою работу.

Так год прошёл, возможно, что и два,
Здесь время не несло своё значение.
Сдержала Смерть таки свои слова,
Внесла врача в убитых пополнение.

Товарищей прикрыл: когда – отход,
Отдал он все долги свои с лихвою,
Спасая жизни ненадёжный плот,
(Удел его – ненастье вековое).

А скальпель, что из рук врача упал,
Подобран будет, в этом нет сомнения,
Чтоб сокрушить заточенный металл,
Чтобы продолжить вечное сражение.

/Роман Романов, ноябрь 1999 г./

Расставание

Вновь на войну ему отправляться,
Война, ведь – мужчин ремесло.
Не могло быть иначе – им надо расстаться.
Мужчине судьбой предназначено драться,
Возможно, Вселенной назло.

Последняя ночь – извержение страсти,
И жаркой любви апогей,
И утро. За окнами бродит ненастье.
Два сердца остались далёко от счастья,
Сердца двух достойных людей.

Вокзал. Как гранит, их объятия были.
(Их душам досталось любить!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.